

ИВАН ДРОНОВ

РУССКИЕ И КАПИТАЛИЗМ

Главы из книги

Ф. М. Достоевский о капитализме и буржуазии

Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) – ещё один представитель русского консерватизма XIX столетия, отличающийся ярко выраженными антикапиталистическими взглядами и служащий связующим звеном идейной преемственности между славянофильством и русскими консерваторами второй половины XIX века. Хотя Достоевский никогда не входил в славянофильский кружок и даже в период издания журнала “Время” (1861–1863) вступал в довольно резкую полемику с изданиями славянофилов с позиций “почвенничества”¹, однако по общему характеру своих взглядов в пореформенную эпоху, в особенности по тому, как они выразились в 1870-х годах в его “Дневнике писателя”, Достоевский был очень близок по своим убеждениям к основному комплексу славянофильских идей. Так, в журнале братьев Достоевских “Эпоха” летом 1864 года была опубликована статья Н. Н. Страхова (1828–1896) с характерным названием “Славянофилы победили”, в которой автор доказывал, что действительность подтверждает жизненность славянофильских теорий и разоблачает фальшь западничества².

Сам Фёдор Михайлович в 1877 году в главе своего “Дневника писателя” под названием “Признания славянофила” недвусмысленно заявил: “Я во многом убеждений чисто славянофильских” (25, 195)³, а в черновых материалах (1877) выразился ещё более категорично: “Я славянофил” (25, 240). Свою принадлежность к “партии славянофилов” писатель подтвердил и в 1880 году в “Объяснительном слове” по поводу своей знаменитой речи о Пушкине, подчеркнув, что сказанное им в этой речи “не мне одному принадлежит, а всему славянофильству, всему духу и направлению “партии” нашей” (26, 133). А наряду с этим Достоевский в своих черновиках в 1877 году признавался: “Я социалист, но переменил идеал с эшафота”. Переменил с идеала “социально-демократического, европейского” (26, 185) на идеал “русского социализма”, по содержанию своему практически тождественного антикапиталистическому ядру славянофильской идеологии.

Не случайно, что в последние годы жизни Достоевский находился в самых дружеских отношениях с И. С. Аксаковым, о чём свидетельствует их переписка⁴. Последний представитель классического славянофильства горячо при-

ветствовал проповедуемые Достоевским в Пушкинской речи и в “Дневнике писателя” 1880–1881 годов идеи всемирно-исторической роли русского народа, залогом которой являются православная церковь и крестьянская община, воспитавшие в русских дух соборности и братского единения между людьми. По мнению И. С. Аксакова, Достоевский со всем блеском своего художественного и проповеднического гения развивал в своих выступлениях заветные мысли А. С. Хомякова и К. С. Аксакова⁵. Смерть великого писателя вызвала у И. С. Аксакова глубокое горе: “Это казнь Божия, — писал он в частном письме о смерти Достоевского. — Я вовсе сиротею. Становится жутко...”⁶.

Впоследствии именно газета И. С. Аксакова “Русь” предприняла “самую эмоциональную попытку “канонизации” Достоевского-мыслителя в совершенно определённом славянофильско-православном духе” и широко развернула пропаганду идей “русского социализма”, сформулированных в последнем выпуске “Дневника писателя”⁷.

Факт чрезвычайной близости Достоевского к славянофильским воззрениям был очевиден для его современников. К. Н. Леонтьев (1831–1891) не сомневался, что “Достоевский был славянофил”, причём именно славянофил “жизни, а не теории”, то есть истинный славянофил консервативного толка, ценящий высоко русское дворянство, а мужика любящий “не потому только, что он мужик, что он человек рабочий и небогатый”, а за то, прежде всего, что “он русский мужик, за то, что религиозен”⁸.

Очень близко общавшийся с Достоевским на протяжении последних 20 лет его жизни Н. Н. Страхов называл его “бессознательным славянофилом”. При этом славянофильство, как подчёркивал Страхов, “не есть надуманная и оторванная от жизни теория: оно есть естественное явление, с положительной стороны — как консерватизм, т. е. приверженность к давнишним началам русской жизни, с отрицательной — как реакция, т. е. желание сбросить умственное и нравственное иго, налагаемое на нас Западом”. “Таким образом произошло и то, — утверждал Страхов, — что Фёдор Михайлович создал себе целый ряд взглядов и симпатий совершенно славянофильских и выступил с ними в литературу, сперва не замечая своего сродства с давно существующею литературною партией, но потом прямо и открыто примкнул к ней”⁹.

Не вдаваясь в детальный анализ степени близости взглядов Достоевского к идеологии славянофильства в различных её аспектах, полагаем, что имеются все основания отнести его к категории “славянофильствующих” мыслителей (то есть апеллирующих к идеям “классического славянофильства”)¹⁰. Гораздо важнее для нашей темы то, что “в оценках буржуазного Запада Достоевский на несколько голов возвышался над иными современниками, в том числе, над теоретиками славянофильства”¹¹. Преимущество произведений Достоевского, в частности, его очерков “Зимние заметки о летних впечатлениях” (1863), “перед всей славянофильской литературой, посвящённой обличению “гнилого Запада”, советские литературоведы вполне справедливо усматривали в том, что в его произведениях даётся “социальная критика противоречий развитого капиталистического общества”, что “писатель в конкретной критике язв капитализма меток, убедителен и достигает временами очень высокого обличительного пафоса”, хотя при этом идеал Достоевского “обращён вспясть, к докапиталистической и к тому же весьма прикрашенной патриархальности”¹².

Закономерно, что Достоевский в критике капитализма пошёл значительно дальше славянофилов и сумел намного глубже вскрыть социальные противоречия буржуазного общества. В силу особенностей своего происхождения и биографии Достоевский, по сравнению со многими славянофилами, оказался гораздо менее защищён “стеклянным колпаком” помещичьего быта от болезненных впечатлений “борьбы за существование” в мире капиталистической конкуренции и гораздо ближе сталкивался с примерами беспощадной эксплуатации буржуазными предпринимателями как обычного, так и “умственного” пролетариата. Если в 1840–1850-х годах капитализм был для славянофилов ещё во многом абстракцией, и критика его могла строиться лишь на противопоставлении России и Запада, то в 1860-х и особенно в 1870-х годах, когда капитализм, словно из прорванной канализации, хлынул на российские просторы, Достоевскому почти не приходилось оставлять родную почву для анализа капиталистического общества и буржуазных отношений.

Теоретическим инструментарием для такого анализа Достоевский вооружился во времена своего увлечения “фурьеризмом” в кружке М. В. Буташе-

вича-Петрашевского (1821–1866), где основательно изучил современные учения западного утопического социализма. “Толки о Нью-Ланарке Роберта Оуэна и об Икарии Кабе, а в особенности – о фаланстере Фурье и теории прогрессивного налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера” на собраниях петрашевцев¹³. Судя по имеющимся сведениям, Достоевский, при всей художественной впечатлительности и страстности своей натуры, даже в 1840-е годы не был фанатичным поклонником европейских социалистических идеологов: их наивный утопизм не мог укрыться от пронизывающего взора гениального писателя. В своих показаниях на следствии по делу петрашевцев Достоевский писал: “Фурьеризм, а вместе с тем и всякая западная система так неудобны для нашей почвы, так не по обстоятельствам нашим, так не в характере нации, а, с другой стороны, до того порождение Запада, до того продукт тамошнего, западного положения вещей, среди которых разрешается во что бы то ни стало пролетарский вопрос, что фурьеризм... в настоящее время, у нас, между которыми нет пролетариев, был бы уморительно смешон¹⁴”.

Искренность этих показаний подтверждается тем, что своим соратникам по кружку Петрашевского Достоевский говорил то же самое. “Он, – вспоминал А. П. Милюков, – читал социальных писателей, но относился к ним критически... В особенности настаивал он на том, что все эти теории для нас не имеют значения, что мы должны искать источников для развития русского общества не в учениях западных социалистов, а в жизни и вековом историческом строе нашего народа, где в общине, в артели и круговой поруке давно уже существуют основы более прочные и нормальные, чем все мечтания Сен-Симона и его школы”¹⁵.

Влияние утопического социализма на Достоевского оказалось, тем не менее, чрезвычайно глубоким. Исследователи отмечают многочисленные отголоски сочинений Фурье, Кабэ, Консидерана о будущем справедливом строе человеческого общества в снах и фантазиях героев Достоевского о счастливом “золотом веке” (“Сон смешного человека” в “Дневнике писателя”, сны Раскольникова, Ставрогина, Версилова)¹⁶. Однако эти отголоски идей французских утопистов в произведениях зрелого Достоевского носят скорее полемический, “антифаланстерский” характер: расписанному по регламенту, рационалистическому социализму французских теоретиков русский мечтатель противопоставляет этически окрашенный социализм “горячего сердца”, “братолюбивного единения”, основанного на заповедях Христа¹⁷. Воинствующий атеизм как некоторых западных, так и русских социалистов Достоевский не мог принять уже в 1840-е годы. Этим его отталкивали и В. Г. Белинский, и Петрашевский, и Н. А. Спешнев¹⁸.

Но вот в чём не было никаких расхождений у Достоевского с утопическим социализмом – ни в 1840-х годах, ни позднее, – так это в безусловном неприятии капиталистического общества. Особенно непримиримо и яростно критика капитализма и всей современной западной цивилизации звучит в произведениях Шарля Фурье (1772–1837)¹⁹. Фурье клеймил позором экономическую систему “индустриализма”, которая “вознесла на вершину почестей торговцев, биржевых игроков, скупщиков-барышников, ростовщиков и банкротов, монополистов и торговых паразитов”. Больше всего доставалось от него представителям торгово-посреднического класса, в деятельности которых он не видел ничего, кроме мошеннической спекуляции, жульничества и надувательства. “Торгашеская гидра”, “кровопийцы биржевой игры”, “хищники-торгаши” являлись, по мнению Фурье, главными виновниками глубоко порочного, античеловеческого характера современной западной цивилизации²⁰. Роль торговли в экономической системе свободной рыночной конкуренции оказывалась, с точки зрения французского утописта, чисто паразитарной, угнетающей производительные отрасли, прежде всего, земледелие: “Торговля в её нынешнем состоянии – не что иное, как корпорация корсаров от хозяйства”²¹. “Свобода обмена” превращена торгошами в “свободу обмена”: “Ибо что такое торговля? Это – обман со всеми его принадлежностями – банкротством, биржевой игрой, ростовщицеством и плутнями всякого рода”²². Символом всех этих безобразий капиталистической системы в сочинениях Фурье часто выступает “еврей Искарриот”, “вор-еврей”²³, а “торговцы и евреи” сливались у него в один класс населения, паразитирующий на трудящихся классах²⁴.

Строй современной цивилизации опрокинул прежнюю социальную пирамиду, поставив “на место придворной и военной аристократии – аристократию денежную, место герба и щита заняла денежная касса: тяжестью денежного мешка определяются иерархия рангов и порядок старшинства”. Новые обстоятельства с удвоенной силой “побуждают того, кто чем-либо владеет, к эксплуатации, спекуляции, торгашеству, ажиотажу и накоплению ценностей”. Такая организация общества возбуждает “противоречие интересов всех социальных группировок, которые могут образоваться внутри современной нации, что вызывает бесчисленные столкновения между индивидуумами, вовлекает их в ожесточенную борьбу друг с другом – *bellum omnium contra omnes* – войну всех против всех, создаёт массу стимулов к развитию самых низких инстинктов”²⁵. Вследствие этого, утверждал Фурье, “состояние цивилизации является антиподом предназначения, миром навыворот, социальным адом”²⁶.

По сравнению с антигуманным феодальным строем предшествовавшей ему “земледельческий феодализм” казался Фурье самой блестящей эпохой в истории человечества, во время которой пусть медленно, но неуклонно происходило освобождение человека труда от завещанного Античностью рабства. Капитализм же, под завесой демагогии “философов” и “экономистов” о свободе и равенстве, принёс с собой новое и худшее рабство народных массам. Фурье высоко оценивал феодальную монархию, обуздавшую произвол знати в интересах народа, и средневековые общинные, корпоративные организации в городе и деревне, позволявшие защищать и постепенно расширять свободы и права трудящихся²⁷.

Атеизм Фурье называл “позорным следствием” строя промышленной цивилизации и “новейшего просвещения”, утверждая, что “законодательство человеческих обществ должно быть делом Бога, а не людей”²⁸. Неприемлем был для Фурье и деизм просветителей. Отрицать действие Божьего промысла в истории, по его мнению, может лишь ослеплённый гордыней и сомнением разум, тогда как истина заключается в необходимости соработничества, “сотворчества” Бога и человека. Не пассивная вера, а активное исполнение Закона и воли Божией, которые побуждают людей к единению и взаимному притяжению в противоположность социальному атомизму капиталистического общества, – вот подлинное содержание христианской религии. Свои теории Фурье подкреплял ссылками на Евангелие и писания святых отцов, впрочем, истолковывая эти тексты зачастую произвольно и далеко не ортодоксально, но с большим пылом²⁹. Это обстоятельство, по-видимому, привлекало к теориям Фурье Достоевского, человека с детства глубоко религиозного³⁰.

Критически относился Фурье и к современной представительной демократии, считая её одним из многочисленных “обманов” и “химер” торгашеской цивилизации. “Эти химеры не гарантируют даже работы и хлеба народу, – писал Фурье, – они приводят лишь к сеянию раздора, развязыванию драки кровавожадных партий, росту налогов и расточительства и вынуждению народа расплачиваться за продажность его представителей”. Выборы же приводят лишь к замене одних “вампилов” другими³¹. Обычным в произведениях Фурье было и противопоставление (так напоминающее славянофильское и народническое) буржуазной интеллигенции, продавшей капитал, и трудового народа, прежде всего, простого мужика-крестьянина: “Я вижу народ только в том, кто держит ручку плуга, а не в брехунах с общественных площадей, сделавших себе ремеслом продажу своих голосов”³².

“Торгашеский дух” привёл, по мнению Фурье, к несоизмеренному разрастанию индустриального сектора, превратившего население европейских стран в “белых рабов при посредстве каторжных острогов промышленности”. Вопреки рекламам либеральных экономистов, “индустриализм предоставляет участникам производства лишь голод и лохмотья”³³. Единственным выходом из кричащих противоречий капиталистического общественного строя Фурье виделся “строй гармонии”, в основе которого должна лежать “земледельческая ассоциация”, или “фаланга”³⁴. По его убеждению, солидарная община, ведущая преимущественно аграрное хозяйство, воспитывающая детей на лоне живой природы, среди лесов, полей и садов, в наибольшей степени согласуется с законом природным и божественным и одна только способна принести счастье измученному человеческому роду. Что касается перспектив осуществления своих теорий, то Фурье заявлял следующее: “В отношении моей системы я не рассчитываю на французов. Они, как и итальянцы, испанцы

и немцы, увязли в строе Цивилизации; но я рассчитываю на Восток, особенно на русских, которые, как все славянские народы, весьма склонны к общности”³⁵.

Антикапиталистические идеи Шарля Фурье, несомненно, оказали сильное влияние на Ф. М. Достоевского. Оценки и отзывы французского социалиста о пороках капиталистической системы и нравственном растлении буржуазного общества, порабощённого “торгашеским духом”, его меткие и сочные образы воров, плутов и мошенников, скрывающихся под благообразными личинами коммерсантов, политиков и либеральных интеллектуалов, в ещё более яркой художественной форме воспроизводятся в творчестве зрелого Достоевского. Нередко эти заимствования и реминисценции носят почти дословный характер. Таким образом, можно сказать, что французский утопический социализм послужил идейным источником и составной частью не только марксизма, но и “антикапиталистической ментальности” в русском консерватизме, выдающимся представителем которого являлся Фёдор Михайлович Достоевский.

В произведениях Достоевского нельзя найти сколько-нибудь систематически разработанных политических теорий или экономических и социальных концепций. Однако ранимое и отзывчивое сердце писателя, его неуёмный общественный темперамент, высокое сознание своей нравственной и гражданской ответственности побуждали его живо откликаться на различные злобы дня в своих романах и публицистике. В этих разрозненных выступлениях нетрудно увидеть общую структуру “антикапиталистической ментальности” Достоевского, которая, по нашему убеждению, обуславливала характер его общественно-политических взглядов на пореформенную российскую действительность и которая роднила его как с идеологическими предшественниками – славянофилами, – так и с последователями – консерваторами из круга журнала “Гражданин” (князь В. П. Мещерский, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, Н. Н. Страхов). Редактором “Гражданина” Достоевский был в 1873–1874 годы и именно там впервые начал печатать свой “Дневник писателя”.

Политические воззрения зрелого Достоевского находились, несомненно, в сильной зависимости от славянофильской концепции самодержавия. Самодержавие служило, согласно пониманию Достоевского, “источником всех свобод в России”, и это понимание писатель противопоставлял взгляду на самодержавный строй либералов-западников, “русских иностранцев”: самодержавие “по-иностранному – тирания, по-русски – источник всех свобод” (24, 291). Национальный характер политического режима самодержавия обеспечивает его безусловную легитимность в глазах народа, а национальный характер власти Достоевский усматривал преимущественно в патриархальности самодержавия в России.

Достоевский, находясь под влиянием славянофильской традиции, был убеждён, что “отношение народа к царю, как к отцу, и есть у нас то настоящее, то адамантовое основание, на котором всякая реформа у нас может зиждиться”. Вера в то, что “царь народу отец”, по мнению Достоевского, это “не признак лишь детства народного”, отсталости в развитии, но “органическая идея”, “особливый пункт, отличающий народ наш от всех других народов Европы и всего мира”. Благодаря этой-то *особливости*, “у нас гражданская свобода может водвориться самая полная, полнее, чем где-либо в мире, в Европе или даже в Северной Америке”. “Не письменным листом утвердится, – подчёркивал Достоевский, – а соизжится лишь на детской любви народа к царю, как к отцу, ибо детям можно многое такое позволить, что немыслимо у других, договорных народов” (27, 22). Детская любовь к Царю-Отцу, широчайшая свобода народа под его отеческим попечением в сочетании с идеей “всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христова” и составляет оригинальный “русский социализм”, в высшей степени патриархальный (27, 19). Но и этот патриархальный монархизм Достоевский также выводил из христианского мирозерцания русского народа: “Ибо везде власть есть лишь власть только, а у нас она есть отец. Царь – земной бог, говорит народ, называет себя крестьянином (христианином), а христианский Бог есть Отец” (27, 230).

Противостоящий “русскому социализму” буржуазный либерализм “договорных народов” своё законченное воплощение получает в “механических формах” бюрократизма: “Чиновник, теперешний чиновник – это европеизм, это сама Европа и эмблема её, – утверждал Достоевский. – Стало быть, чтоб быть последовательными, либералам и европейцам нашим надо бы стоять за

чиновника, в настоящем виде его... Они ведь за это, в сущности, и стоят. Дайте им хоть конституцию, они и конституцию приурочат к административной опеке России..." (27, 72).

Естественно, что Достоевский не допускал и мысли о введении конституционных учреждений в России, так как был убеждён, что "увенчание здания" обратится немедленно "в заговор против народа". "Увенчание здания" – заветную мечту либералов-конституционалистов, – народ, по словам Достоевского, "прямо окрестил "господчиной"" (27, 44). Эту же мысль писатель с горячностью отстаивал в разговоре с А. С. Сувориным: "Конституцию, – вспоминал Суворин, – он называл "господчиной" и уверял, что так именно называют её мужики в разных местах России, где ему случилось с ними говорить"³⁶. А в черновых записях Фёдор Михайлович добавил ещё более резкий приговор конституционным вожделям либералов: "Конституция. Всякое дерьмо. Да, вы будете представлять интересы вашего общества, но уж совсем не народа. Закрепостите вы его опять! Пушек на него будете выпрашивать!.." (27, 65).

Главным образом, Достоевского не устраивал состав пореформенной цензовой общественности, претендовавшей на выражение мнения народного и представительство его интересов в гипотетическом парламенте: "В последнее время начало становится жутко за народ: кого он считает за своих лучших людей? Жид. Адвокат, банкир, интеллигенция" (24, 286). Размышляя о том, кто бы мог быть противовесом буржуазным элементам общества и служить посредствующим звеном между самодержавной властью и народной массой, Достоевский останавливался на родовом поземельном дворянстве, которое одно ещё сохранило интимную, а не коммерческую связь с землей, с народным деревенским бытом и традиционным патриархальным мировоззрением. "Дворянство и его сохранение необходимо, – считал он, – ибо оно всё-таки выражало своим установлением форму живой связи царя (знамени) с народом и заключало в себе все возможности дальнейших социальных развитий земли. Сохраняло дух связи, дух, в котором должна была пониматься служилость. Заменить его нечем" (21, 265). Поэтому-то "наши либералы и преследуют... честных помещиков, земледельцев, которые среди народа могли бы послужить к его же силе и просвещению" (24, 221). Помещиков Достоевский прямо именует "лучшими людьми" земли русской, которых, к сожалению, пореформенная эпоха основательно подкосила, чем воспользовались "адвокаты, купцы, жида Струсберги" (24, 285), а в итоге – "кончились помещики, кончились лучшие люди" (24, 267). С болью в сердце наблюдал Достоевский, как "прежний землевладелец продаёт имение за бесценок купцу, и теперь и жиду, те рубят леса, даже сады рубят, возьмут всё, что можно взять с землею, осрамят и обесчестят землю, и продадут потом по клочкам" (27, 214).

Достоевского тревожило разорение именно среднего и мелкого дворянства, заменить которое в политическом, социальном и культурном смысле не в состоянии ни крупные землевладельцы-магнаты, ни придворная знать, ни буржуазия, поклоняющаяся "золотому мешку" и "мамоне". В своих дневниковых заметках по поводу книги Р. А. Фадеева "Чем нам быть?" (1874) он писал: "Совершенное уничтожение дворянства и дворянского духа [осуществится] вытеснением их прав или обезземеливанием мелких владельцев, в которых именно и приютились старые знатные роды и дух дворянства, наплывут и сядут на место них толстопузые купцы, которые скупают мелкие имения. Тогда именно прекратится образование. Всякий купец скажет: 1000-летие дворянского духа оказалось, стало быть, пшиком. Пришли и поклонились капиталу-то. Когда я при собственном капитале-то что хочу, то и делаю, очень надо образование, когда сами признали, что деньги *выше всего*".

Достоевский категорически отвергал инициативы Фадеева по созданию нового элитарного слоя путём инкорпорирования в дворянское сословие успешных представителей буржуазных предпринимательских кругов, не ожидая от этого ничего, кроме "торжества говняков" (21, 271). Тенденции обуржуазивания старого дворянства вызывали у Достоевского омерзение и осуждение. "Самодержавие, разрушая дворянство, подняло на себя руку", – приходил он к неутешительному заключению (21, 266).

Кроме патриархального самодержавия и поместного дворянства, важнейшим заслоном на пути буржуазного перерождения общества могла стать, по мнению Достоевского, русская крестьянская община. Ещё в журналах

“Время” и “Эпоха” братьев Достоевских публиковались статьи в защиту общинного землевладения от нападок сторонников “экономической свободы”. В частности, Н. Н. Страхов находил фундаментальное противоречие в рассуждениях с позиций экономического либерализма, требующего полной свободы рыночных отношений, но не допускающих и мысли о такой же полной свободе в иного рода отношениях людей – политических, юридических, семейных. Такая неограниченная свобода, очевидно для всякого, привела бы к невыносимому произволу и хаосу, но разве может тот же хаос и “война всех против всех” в экономике привести к благим последствиям, как утверждают идеологи “*laisser faire, laisser passer*”? Общинное землевладение представлялось Страхову одним из фундаментальных установлений, защищающих общество от рыночной стихии и анархии общественного производства при капитализме³⁷.

Сам Достоевский решительно выступал против тех, кто “легкомысленнейшим образом проповедует уничтожение общины – одной из самых крепких, самых оригинальных и самых существенных отличий сути народа”, – сути, разумеется, коллективистской, соборной, братско-христианской, как её понимали и славянофилы. Достоевский подчёркивал и менее возвышенное, но более практичное значение общины как организационной формы социального контроля, предостерегая, что если “уничтожат общину – порвутся последние связи порядка”, и тогда – “пропадём, как мухи”. Он горой стоял за “общинное землевладение” (24, 300), ведь “община держит человека у земли”, а “у нас страсть к бродяжничеству и к приключениям”, стоит только раздробить общину на частные владения, мужик “всё заложит и продаст жиду”. Вывод – “лучше держать в узде, в общине” (25, 227).

Общинное землевладение, был убеждён Достоевский, необходимо всячески оградить от попадания в водоворот рыночного обмена, а “собственники должны сделать уступки” (24, 236). В отличие от социалистов, Достоевский не выступал за полное уничтожение частной собственности, предвидя его “ужасные последствия”. Ему было понятно, что без института частной собственности невозможно развитие личного начала в человеке, высоко им ценимого, а это грозит низведением человеческой жизни до уровня муравьиного существования. Но и “безграничная собственность”, особенно в поземельных отношениях, опасна, так как ведёт к расколу общества и превращает народ в пролетариат и в рабов собственника. Средний путь между этими неприемлемыми крайностями Достоевскому виделся в том принципе, согласно которому “всякий должен иметь право на землю” (24, 231). Выражаясь марксистским языком, Достоевский выступал против отделения непосредственного производителя от средств производства, составляющего важнейшую основу капиталистического строя.

Поземельные отношения Достоевский считал определяющими и для хозяйственного и социального, и для политического и духовно-нравственного строя общества: “Это уж какой-то закон природы, не только в России, но и во всём свете: кто в стране владеет землёй, те и хозяева той страны во всех отношениях... Каков характер землевладения, таков и весь характер нации” (24, 138). Пока в России “не железнодорожники, не промышленники, не миллионеры, не банки, не жида *обладают* землёю, а прежде всех лишь одни земледельцы”, до тех пор православно-монархический “русский социализм” незыблем. Обеспечение первенствующего значения в экономике традиционного аграрного уклада обуславливало, по мнению Достоевского, и сохранение национальной идентичности, преемственности русской культуры и питающих её христианских ценностей. “Нравственность, устой в обществе, спокойствие и возмужалость земли и порядок в государстве, – утверждал он, – зависят от степени и успехов землевладения. Если землевладение и хозяйство слабо, раскидисто, беспорядочно, то нет ни государства, ни гражданственности, ни нравственности, ни любви в Боге”. По словам Достоевского, “промышленность и капитал действуют развратительно, отторгнувшись от земли, стало быть, от родины...” (21, 270).

П. П. Семёнов-Тян-Шанский, близко знавший Достоевского по кружку Петрашевского, вспоминал, что уже в молодые годы чувствовалось: “Ф. М. Достоевский был *сыном деревни*, а не города”. По собственному признанию писателя, “деревня оставила на всю его жизнь неизгладимые впечатления”³⁸. Летние месяцы, которые проводил Ф. М. Достоевский в имении своего отца Даровое в 1830-х годы, действительно сформировали в сознании

писателя образ деревни как светлого, безмятежного и счастливого бытия, гармонии человека и живой природы, как образ Царства Божия на земле, в противоположность темному и демоническому миру города, миру умерщвлённой материи. Во многих, особенно ранних, художественных произведениях писателя “деревня является в памяти действующих лиц повествования как радостное и недолгое видение их детства, прошедшее где-то вдали от городской жизни”, и это видение деревенского прошлого – когда “кругом были поля и леса, а не гряда мертвых камней”, – всегда у Достоевского “освещено самым радужным светом”³⁹. В произведениях зрелого Достоевского детские видения деревенской идиллии преобразились в чаяния будущего “золотого века”, о котором грезил его герои. Жизнь самого писателя и жизнь многих персонажей его произведений как будто складывалась согласно гегелевской диалектике: безмятежный деревенский рай в детстве (тезис), разорванное и одинокое существование в клоаке капиталистического города (антитезис), скрашиваемое мечтами об умирающем все противоречия будущем “золотом веке” в Саду–Эдеме (синтез).

В этих же категориях мыслил Достоевский и диалектику всемирной истории: “патриархальность было состояние первобытное”, отличавшееся цельностью и не подточенной рефлексией религиозностью. На смену ей пришла “цивилизация” (как и Фурье, Достоевский подразумевал под понятием “цивилизация” любое сообщество, нарушившее цельность и братство, внесшее внутрь себя начала неравенства, подавления и эксплуатации ближнего, и прежде всего, разумеется, – современную буржуазную цивилизацию, достигшую абсолютного максимума в осуществлении этих начал): “В Европе, например, где развитие цивилизации дошло до крайних пределов, т. е. до крайних пределов развития лица, – вера в Бога в личностях пала. Это состояние, т. е. распадение масс на личности, иначе цивилизация, есть состояние болезненное”. Наконец, “христианство – третья и последняя степень человека, но тут кончается развитие, достигается идеал”, или “рай Христов”, когда “воскреснет каждое я в общем Синтезе”, преодолев индивидуалистическое обособление⁴⁰. Разумеется, христианский идеал победы над злом, тьмой, распадом и смертью в совершенной полноте достижим лишь в плане инобытия, “в лоне всеобщего синтеза, т. е. Бога”. Однако это не означает, что из “болезненного состояния цивилизации” нет выхода, а царству буржуазии нет альтернативы. Социально-экономическое и духовное обновление человечества возможно и осуществимо уже здесь и сейчас: “Если хотите переродить человечество, дайте ему землю, воротите его к земле” (23, 276).

Верность земле, и хозяйственная, и духовная, представлялась Достоевскому надёжной гарантией от губительной пауперизации и пролетаризации не только экономической, но и социальной и культурной. Возвращение к аграрному образу жизни могло бы послужить духовному оздоровлению беспочвенной интеллигенции, способствуя формированию у неё религиозного взгляда на мир, ведь, по мнению Достоевского, “наш атеизм есть только разъединение с народом, оторванность от земли”, а вот “если б вы сидели на земле и её обрабатывали, вы бы верили в Бога” (24, 234). Поэтому “земледелие надо поддержать, ибо промышленность рождается из земледелия, а у нас помимо земледелия началась спекуляция” (24, 212). Говоря о своей приверженности к “убеждениям славянофильским, вернее, к православным, то есть к убеждениям крестьянским, то есть к христианским”, Достоевский фактически отождествлял их (24, 107).

Наоборот, всё, что связано с городом, с промышленностью, с коммерцией, в сознании писателя ассоциировалось с ненавистным ему западничеством: “С петровской реформой, с жизнью европейской мы приняли в себя буржуазию и отделились от народа, как и на Западе”⁴¹. Инъекция буржуазного духа естественно произошла в народном организме России тот же болезненный эффект, как и в Европе: нравственную порчу, религиозный индифферентизм и атеизм, мучительное обособление личности и разложение семейных и общественных связей. Городская, искусственная, “умышленная” цивилизация, разорвавшая доверительные отношения человека с органической природной жизнью, руководимой Провидением, неминуемо придёт, по убеждению Достоевского, к безрелигиозному мирозерцанию, к упованию на “эвклидов” человеческий разум, порождающий чудовищ нигилистического самоутверждения. И эта цивилизация возникла именно тогда, когда “стала подыматься

буржуазия в огороженных городах”, тесня постепенно баронов с их феодальными замками. Уже “в наш век произошла страшная революция, и одолела буржуазия”, и “с ней явились страшные города, которые не снились даже и во сне никому”, “города с хрустальными дворцами, с всемирными выставками, с всемирными отелями, с банками, с бюджетами, с заражёнными реками, с дебаркадерами, со всевозможными ассоциациями, а кругом них – с фабриками и заводами”.

Капиталистический город представлялся Достоевскому как самый настоящий социальный ад, пожирающий человечность своих обитателей и превращающий их в гнусных бестий. Это касается не только хищных капиталистов-собственников, но и пролетариев, “людей некрещеных и невенчанных, живущих, вместо брака “в скотском сожителстве” с “самкой, найденной на мостовой”. От них рождаются “Гавроши”, которых “вышвыривают на улицу” и которые “наполняют воспитательные дома и тюрьмы для малолетних преступников”. Из этих-то пролетариев и вырабатывается “будущая бесчужденная мразь”, “будущие дикие, которые проглотят Европу” (23, 94-96). В России, с тех пор как завелись здесь капиталисты, биржи и фабрики, происходит то же самое: “Протекло время с освобождения крестьян – и что же: безобразия волостных управлений и нравов, водка безбрежная, начинающийся пауперизм и кулачество, то есть европейское пролетарство и буржуазия и проч., и проч.” (30/1, 41). “Никогда народ не бывал в такой кабале, как на фабриках” (23, 158), считал Достоевский, а эксплуатация трудящегося народа современными буржуазными дельцами не шла, по его мнению, ни в какое сравнение с едва ли не добродушным, на этом фоне, крепостничеством прежних времён⁴².

К буржуазному типу человека, рвавшемуся заменить дворянство в роли элиты общества, Достоевский испытывал нескрываемое отвращение. “Купец, – писал он, – есть лишь развратный мужик. Он всегда готов соединиться с жидом, чтоб продать всю Россию” (24, 281). У торговца нет ни идеалов, ни святости, кроме денег, “миллиона”, ставшего в буржуазном обществе мерилом и преуспевания, и самого человеческого достоинства. Это мировоззрение Достоевский называет “чудовищно извращённым”, порождающим предельно “хищные и наглые” натуры, готовые на любое преступление, на любое попрание нравственного закона ради обогащения. В дореформенные времена купец, несмотря на скопленные миллионы, не обладал культурной гегемонией; тогдашний ведущий класс – дворянство, при всех своих недостатках, гнушалось торгашеством и презирало торгашей и проныр. Однако после буржуазных реформ 1860-х годов в обществе расцвёл культ “золотого мешка”, который стал почитаться “за высшее, что есть на земле”, а купец “вдруг увидел себя решительно на одном из самых высших мест в обществе, на том самом, которое во всей Европе давно уже, и официально и искренно, отведено миллиону” (23, 156-160).

Образы буржуазных дельцов в романах Достоевского выглядят один омерзительнее другого, а подчас приобретают прямо-таки инфернальные черты. Это пауки и гадины, сеющие вокруг себя разврат, смрад и смерть. Один из таких “пауков”, например, говорит, что “когда он будет богат, то самое большое его наслаждение будет кормить хлебом и мясом собак, когда дети бедных будут умирать с голоду. А когда им будет нечем топить, то он купит дровяной двор, сложит в кучу и весь истопит даром, на морозе, и ни полена не даст бедным”. Видный советский литературовед В. Ермилов в своей книге о Достоевском совершенно точно заметил, что писатель был буквально “болен капитализмом, видя в нём только ужас”. Развитие капиталистических отношений писатель воспринимал “катастрофически, как распространение неизвестной смертельной эпидемической болезни или обвал, наводнение, бесовское наваждение, дьявольский кошмар”; “он ненавидит и презирает буржуа как смертельного личного врага”⁴³.

Недаром другой знаток творчества Достоевского – А. С. Долинин – одну из глав своей книги “Последние романы Достоевского”, посвящённую проблеме отношения писателя к буржуазной трансформации российского общества, весьма выразительно назвал “Классовая ненависть”⁴⁴.

Одним из важных аспектов анализа капиталистической модернизации России является в творчестве Достоевского столкновение еврейского вопроса. Как и другие консервативные публицисты, Достоевский, разумеется, не забывал упомянуть в своих текстах Талмуд, кагал и шинкаря, однако в фокусе

его внимания была, прежде всего, проблема участия и роли еврейства в распространении капиталистических отношений, буржуазного образа жизни и мышления в русском обществе. Ф. М. Достоевский в “Дневнике писателя” противопоставлял прежнюю, средневековую, “христианскую идею спасения посредством теснейшего нравственного и братского единения людей” и “идею буржуазии, ставшую главной идеей всего нынешнего столетия во всём европейском мире”. Содержательно “идея буржуазии”, по Достоевскому, — это “матерьялизм, слепая, плотоядная жажда личного матерьяльного обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами — вот всё, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу”. В современной Европе “наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов”. То, что раньше осуждалось христианской моралью, — “безжалостность к низшим классам”, “эксплуатация бедного богатым”, спекуляция и “торговля чужим трудом” (капиталом), — ныне “возводится в добродетель”. “Но, — рассуждает Достоевский, — если евреи окончательно восторжествовали и процвели в Европе именно тогда, когда там восторжествовали эти новые начала даже до степени возведения их в нравственный принцип, то нельзя не заключить, что и евреи приложили тут своего влияния... Стало быть, недаром же всё-таки царят там повсеместно евреи на биржах, недаром они движут капиталами, недаром же они властители кредита... Верхушка евреев воцаряется над человечеством всё сильнее и твёрже и стремится дать миру свой облик и свою суть... Мы говорим о жидовстве и об идее жидовской, охватывающей весь мир, вместо “неудавшегося” христианства...” (25, 84-85).

Достоевский в своих текстах часто практически уравнивал понятия “жид”, “жидовство”, “жидовская идея” с понятиями “капитал”, “капиталист”, “буржуазное общество”, “буржуазная идеология”, подменяя сложное социально-экономическое или политическое явление более простым и наглядным псевдоэтническим. “Земледелие есть враг жидов”, — пишет он, например, подразумевая под термином “жиды” промышленный и торгово-спекулятивный капитал. “Очищается место, приходит жид, становится фабрику, наживается... А государство поддерживает жида (православного или еврейского — всё равно) всеми повинностями, тарифами, узаконениями, армиями”, — возмущался он, имея в виду тот же капитал и его сращивание с государственным аппаратом (24, 211-213).

“Оскудение дворянства” и замещение бывших бар буржуазными дельцами, скупавшими имения разорившихся помещиков, вырубавшими на этих землях леса и “вишнёвые сады”, под пером Достоевского представляло как иноплемennое нашествие: “Жиды становятся помещиками, — и вот повсеместно кричат и пишут, что они умерщвляют почву России, что жид, затратив капитал на покупку поместья, тотчас же, чтобы воротить капитал и проценты, иссушает все силы и средства купленной земли. Но попробуйте сказать что-нибудь против этого — и тотчас же вам возопят о нарушении принципа экономической волюнтарности и гражданской равноправности” (23, 42). В подобной ситуации, по мнению Достоевского, права “священной и неприкосновенной частной собственности” и предпринимательской свободы необходимо было бы ограничить.

Приведённые высказывания Достоевского, как представляется, вполне подтверждают мнение В. А. Твардовской о том, что в публицистике Достоевского 1870-х годов понятие “жид” “становится более социальным, чем национальным, а неприятие еврейства, из среды которого в этот период выдвинулся ряд крупных предпринимателей и финансистов, выражает его вражду именно к буржуазности, а не к национальности как таковой”⁴⁵. Этот вывод подкрепляет и тот факт, что и сам “еврейский вопрос” привлёк внимание Достоевского лишь в пореформенную эпоху, одновременно с развитием капиталистических отношений в России и рассматривался им в тесном переплетении с критикой этих отношений. То же можно сказать и относительно славянофильской публицистики. До 1861 года упоминаний о евреях в текстах славянофилов практически нет, а если они и встречаются, то только применительно к Западной Европе и в связи с тем или иным проявлением там буржуазного духа и жизнеустройства. Зато в 1860-е — 1880-е годы И. С. Аксаков регулярно в своих изданиях обращается к еврейской теме, приходя к выводу, что “нигде и ни в ком так не воплотилась... идея капитала — живём и гольём, — как в еврействе!”⁴⁶. Таково же было и мнение Ю. Ф. Самарина⁴⁷.

Видя в капитализме только деструктивное и регрессивное явление, Достоевский считал его исторически обречённым. Буржуазная Европа, с его точки зрения, вообще стоит на грани крушения: “Все эти парламентаризмы, все исповедуемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки, жидаы – всё это рухнет в один миг и бесследно” (26, 167-168). Поэтому избежать тупикового капиталистического пути развития для России – насущнейшая задача. Образ чаемого будущего виделся Достоевскому довольно смутно, но одно было для него несомненным: “Кончится буржуазия и настанет Обновлённое человечество”. Обновлённое человечество “поделит землю по общинам и начнёт жить в Саду”. Аграрный и общинный характер будущего здорового и справедливого строя жизни был для Достоевского аксиомой: “Можно жить потом на мостовой, но родиться и *всходить* нация, в огромном большинстве своём, должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут. . . В Саду детки будут выскакать прямо из земли, как Адамы, а не поступать девяти лет, когда ещё играть хочется, на фабрику, ломая там спинную кость над станком, тупя ум перед подлой машиной, которой молится буржуа”. В России, “где так много земли, где фабрика ещё только шутка”, условия для прорыва в светлое будущее, минуя капитализм, гораздо более благоприятны, чем на Западе. “Огромное зерно для будущей идеи” заключено и в русской крестьянской общине, и в крепчайшей привязанности к земле русского мужика: “Земля у него прежде всего, в основании всего, земля – всё, а уж из земли у него и всё остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и Церковь, – одним словом, всё, что есть драгоценного. Вот из-за этой формулы он и такую вещь, как община, удержал. . .” (23, 96-99).

В плане критики явз капитализма и преувеличенных надежд, возлагаемых на крестьянскую общину, взгляды Достоевского оправданно сближают с идеологией русского народничества⁴⁸, иногда характеризую его мировоззрение как “род консервативного, славянофильского народничества”⁴⁹ или как “православное народничество”, в котором слились в одно целое “мужицкое православие, мужицкое общинное землевладение и царь-отец”⁵⁰. Действительно, между взглядами Достоевского и народников немало общего. Справедливо говорить и ещё об одном, наряду с Ш. Фурье, источнике антибуржуазных взглядов Достоевского – литературной деятельности основоположника идеологии “русского социализма” А. И. Герцена. Многие яркие страницы “Зимних заметок о летних впечатлениях” (1863) Достоевского, живописующие картины пошлости и нравственного убожества сытой буржуазии на фоне нечеловеческих страданий народных масс в пасти чудовищного Ваала – индустриального мегаполиса, – явно навеяны не только личными впечатлениями, но и произведениями Герцена. Так, А. С. Долинин выявил многочисленные текстуальные заимствования в “Зимних заметках” из герценовских “Писем из Франции и Италии” (1847–1852)⁵¹, в которых отразилось глубокое разочарование Герцена-эмигранта в буржуазной цивилизации Западной Европы и дана разносторонняя критика социально-экономических основ этой цивилизации⁵². “Герцен раньше многих других сказал, что Запад гниёт”, – отмечал Достоевский и усматривал в этом большую заслугу основоположника народничества (29/1, 113).

В 1860-е годы Герцен с отвращением писал о “буржуазной оспе”, начавшей уже проникать и в Россию⁵³. Единственной преградой на пути этой эпидемии могла стать, по его мнению, крестьянская община, важнейшие устои которой – “1) право каждого на землю, 2) общинное владение ею, 3) мирское управление”, – задают матрицу будущего социалистического общества⁵⁴. Центральный антикапиталистический лозунг идеологии “русского социализма”, сформулированный Герценом и безусловно разделяемый всеми течениями внутри народничества, – о “праве на землю”⁵⁵ – был целиком заимствован Достоевским в его версии “русского социализма”⁵⁶. И для народников, и для Достоевского это был самый желательный способ справедливого разрешения социально-экономических противоречий капитализма.

Как и Достоевский, народники противопоставляли буржуазную городскую культуру, насаждающую *вольчью мораль* борьбы за существование, коллективистским традициям крестьянской общины, которая “олицетворяла собой принцип солидарности и нравственной связи <её членов>, в противоположность принципу крайнего индивидуализма и нравственной разобщённости,

выразителем которого был и есть город"⁵⁷. Вслед за Достоевским беллетристы-народники связывали своеобразие национального духа народа с таинственной силой земли и сельским образом жизни: "Оторвите крестьянина от земли, — писал Г. И. Успенский в своих знаменитых очерках "Власть земли" (1880), — от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, — добейтесь, чтоб он забыл "крестьянство", — и нет этого народа, нет народного мирозерцания, нет тепла, которое идёт от него"⁵⁸.

Гармоничное бытие пахаря-земледельца противопоставлялось народниками духовному вырождению современной буржуазной цивилизации. "Истинная цивилизация возможна только в деревне", — утверждал М. О. Меньшиков на страницах народнической газеты "Неделя". Ибо "живая общественность держится на нравственном единении, а городская жизнь ведёт к нравственному разрыву: возможна ли любовь, где всё основано на конкуренции, где связью служит кредитный знак?.. Городская жизнь развивает страшный эгоизм, жажду наживы, которая и в отдельных людях, и в целых сословиях, и даже в народах, где город возобладал, — переходит в манию"⁵⁹. Эта критика социокультурных издержек капитализма, которая велась Меньшиковым с народнических позиций, однотипна с такой же критикой у Достоевского. И здесь уместно говорить об обратном влиянии Достоевского на народничество: испытать глубокое воздействие антибуржуазных текстов Герцена, Достоевский как обличитель мерзостей капитализма, капиталистического города (Ваала) вдохновлял следующее поколение писателей-народников. Совсем "по-достоевски" звучат, например, тирады Меньшикова о бездуховности городской среды, оторванной от животворной связи с природой, с крестьянским трудом и деревенским бытом: "Рабочий никогда не видит ни солнца, ни звёзд, ни молний, не слышит ветра, не слышит даже громов небесных за грохотом машин. Он видит кругом себя только стены и станки, станки и стены... Религиозное чувство не может воспитываться среди лязга и шума машин... Земледелец — тот окружён бесконечным разнообразием жизни, целыми хорами явлений, сливающихся в общий гимн. Крестьянин у своей сохи каждую минуту может пасть на землю, как во храме, пред голубою, сверкающею вечностью и вознестись душою к Господу. Природа располагает к молитве, — не то фабрика, напоминающая ад с его огнём и грохотом. Парижский рабочий живёт без Бога: Провидение для него — хозяин завода, молиться приходится старшему мастеру и ставить ему — не свечи, а стаканы водки. Человек на фабрике весь в руках человека, который весь в руках своего старшего и т. д., вплоть до главного хозяина, который весь в руках рынка или биржи, существа слепого и жадного, и как всё мёртвое — неумолимого. Все поставлены в железную зависимость друг от друга, а не от Высшей воли"⁶⁰.

Разносимый из города железными дорогами, банками, спекулянтами и барышниками вирус капитализма несёт в деревню только растление, обнищание и усиленную эксплуатацию. Видный народнический экономист В. П. Воронцов описывал печальные последствия капиталистической перестройки отечественного сельского хозяйства для традиционных поземельных сословий буквально фразами из "Дневника писателя" Достоевского: "Кулак, завладевший мужиком, протянул руки и на господскую землю... Классы — исконные земледельческие производители (хотя и представители двух различных хозяйственных систем — крупной и мелкой), — помещики и крестьяне, заинтересованные в том, чтобы поставить сельское хозяйство на прочном основании, так как оно должно служить не только им самим, но и их детям и внукам, — эти классы сами устранились или были устранены посторонней силой от направления дальнейшего развития нашего земледелия, и оно попало в руки проходимца. Еврей, поляк, грек, армянин, русский — кто бы то ни было по происхождению, но по своему общественному значению кулак, аферист, эксплуататор, стремящийся лишь к быстрой наживе и преследующий её сегодня в области земледелия, завтра за прилавком кабака, а послезавтра, может быть, в обществе червонных валетов, — вот кто сделался руководителем современного крупного землевладения"⁶¹.

Развитие капиталистической индустрии и экономики свободного рынка и народники, и Достоевский расценивали как зло и регресс, не видя в них для трудящегося народа ничего, кроме нового ярма, намного горше прежнего — феодального. Об этом красноречиво свидетельствует опыт Запада, где раз-

рушение общины во имя “индивидуальной свободы” привело лишь к тому, что бывший крестьянин, попав в фабричные жернова, получил “существование в десять раз хуже и досуг в десять раз меньше прежнего”⁶². Поэтому буржуазные “публицисты наши, провоцирующие развитие отечественной, национальной промышленности, работают на гибель русского народа”⁶³.

Видя в общине самое “надежное убежище для крестьянской личности от грядущих бед капиталистического порядка”⁶⁴, идеологи народничества рассчитывали на сотрудничество в этом пункте с самодержавием. И. И. Каблиц (Юзов) считал, что самодержавное государство жизненно заинтересовано в том, чтобы поддержать “самобытный строй русского производства, основанный на общинных и артельных началах (так как этим самым подорвётся развитие капиталистического производства)”, что, в свою очередь, “способствует подавлению либеральной буржуазии”, которая выступает опасным конкурентом самодержавия в борьбе за политическую власть⁶⁵. Ради сохранения защиты “мужика от бурь промышленной конкуренции”⁶⁶, ради “возможности непосредственного перехода к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства”, Н. К. Михайловский от лица народнической интеллигенции выражал готовность “не домогаться никаких прав для себя” и “довольствоваться и в юридическом смысле акридами и диким мёдом”. Иными словами, идеолог народничества соглашался отказаться от требования конституционных гарантий и либеральных свобод, смириться с самодержавно-монархическим режимом, если он встанет на защиту общинного землевладения и обеспечит некапиталистический путь развития России, “особливый от европейского”⁶⁷. Согласно сильно утрированной, но по сути верной оценке В. Я. Кирпотина, “лидер народничества согласен был пойти на сохранение самого неприкрытого, самого brutального самодержавия, лишь бы миновать иго капитализма”, и в этом он непосредственно смыкался и с Достоевским, и со славянофилами⁶⁸.

Такая смычка казалась тем естественней, что, как и Достоевский, народники относились скептически к так называемому “правовому порядку” и представителю системы правления, восхваляемым либералами как величайшее достижение буржуазного общества. Уже А. И. Герцен выражал глубокое сомнение в благах парламентской демократии, усматривая в ней “тиранство без тирана”, “анонимное общество политических шулеров и биржевых торговцев”⁶⁹. Н. Г. Чернышевский язвительно высмеивал ограниченность и формализм либеральных “прав” и “свобод”: “Ни мне, ни вам, читатель, не запрещено обедать на золотом сервизе; к сожалению, ни у вас, ни у меня нет и, вероятно, никогда не будет средства для удовлетворения этой изящной идеи; потому я откровенно говорю, что нимало не дорожу своим правом иметь золотой сервиз и готов продать это право за один рубль серебром или даже дешевле. Точно таковы для народа все те права, о которых хлопочут либералы”. Для безграмотного народа безразлична свобода печати, задавленному нуждой и невежеством рабочему люду недоступны хитросплетения парламентских выборов и дебатов, поэтому все эти институты, несмотря на их внешнюю обманчивую привлекательность, при сохранении частной собственности и социального неравенства всегда будут использованы буржуазией в своих классовых интересах против трудящихся⁷⁰.

Яростно выступал против парламентаризма и борьбы за политические права (всеобщее избирательное право, свободу печати, свободу ассоциаций и публичных собраний и т. д.) М. А. Бакунин в своей полемике с германскими социал-демократами (Ф. Лассалем и К. Марксом), полагая, что “всякое политическое движение не может быть другим, как движением буржуазным”, и, следовательно, участие в таком движении приведёт только к тому, что “работники-депутаты, перенесённые в буржуазные условия существования, в буржуазную атмосферу политических идей, перестанут быть настоящими работниками, сделаются государственными людьми, в конце концов, превратятся в буржуазов и превзойдут в этом отношении даже настоящих буржуа”⁷¹.

Н. К. Михайловский не сомневался в том, что “политическая и экономическая свобода в Европе оказалась новым видом рабства народа”⁷². Он сравнивал господствующее образованное меньшинство, интеллигенцию, с “ярким и ароматным цветком”, который возрос и расцвёл на счёт народного труда, оказавшись в большом нравственном долгу перед народом. Хотя для образованного человека “не может быть ничего соблазнительней свободы политиче-

ской, свободы совести, слова устного и печатного, свободы обмена мыслей (политических сходов) и проч.”, но есть вещи и поважнее. “Если все связанные с этою свободою права, – восклицал Михайловский, – должны только протянуть для нас роль яркого и ароматного цветка, – мы не хотим этих прав и этой свободы! Да будут они прокляты, если они не только не дадут нам возможности рассчитаться с долгами, но ещё увеличат их!”⁷³. Подобно герою последнего романа Достоевского Ивану Карамазову, Михайловский возвращал свой билет в царство политической свободы, не желая наслаждаться его благами в узком кругу избранных. На состоявшемся в декабре 1871 года многочисленном собрании народнического Большого общества пропаганды (кружка чайковцев), специально посвящённом рассмотрению вопроса об отношении народников к конституции, было признано, что буржуазная конституция “не была бы полезна, а послужила бы лишь к усилению эксплуатации широких народных масс и их угнетению”⁷⁴.

Когда в конце 1870-х годов в программе партии “Народная воля” появились требования политических свобод и конституционных прав, другие народнические фракции увидели в них “требования нарождающейся буржуазии” и расценили это как изменническое по отношению к народу “проявление в нашей революционной интеллигенции буржуазных инстинктов”⁷⁵. Из выдающихся идеологов народнического тактического союз “Народной воли” с либералами в борьбе за политические свободы и конституционные гарантии был поддержан только Н. К. Михайловским⁷⁶. Впрочем, “конституционализм” народолюбцев носил весьма условный характер: созыв Земского собора отодвигался ими на отдалённый послереволюционный период, когда посредством глубоких социалистических преобразований, осуществлённых диктатурой революционной партии, будет исключена опасность преобладания буржуазных элементов в представительных органах⁷⁷. Мечта о Земском соборе мужичьих “серых зипунов” без участия буржуазии и либеральной интеллигенции неоднократно высказывалась и Достоевским (27, 21).

Поражение “Народной воли” лишь подкрепило убеждённость многих народников в тщетности борьбы за политические права. Вожди легального народничества в 1880-е годы вновь и вновь напоминали, что “на Западе громаднейшее большинство личностей находится в странном положении: они вполне свободны и полноправны в юридическом отношении и в то же время находятся в фактическом рабстве у буржуазии, благодаря экономическому строю [капитализма]”⁷⁸. Именно по этой причине в авторитетном издании народников – газете “Неделя” – любой союз с буржуазией рассматривался как совершенно неприемлемый. Излагая программные задачи издания, редакция “Недели” подчёркивала, что намерена отстаивать “не идеалы западного пролетариата, совершенно чуждые русской жизни, а противоположные им идеалы русской деревни”⁷⁹.

А вот что, например, думали в “Неделе” о либерализме, конституции и буржуазных свободах: “Не довольствуясь той нравственной силой, какую даёт людям истинное знание и просвещение, либералы хотят закрепить за собою господство над народом посредством юридических учреждений. А такое закрепление поразило бы Россию величайшими бедствиями. Даже бюрократия никогда не может так вредно действовать на экономическую будущность народа, как та часть общества, те либералы, которые на Западе носят название буржуазии... Что же мы выиграли от замены бюрократизма общественной свободой?.. По нашему мнению, если браться за улучшение нашего общественного строя, то нужно хищным инстинктам буржуазии отводить наименьшее место, а не давать им полный и безграничный простор, как требуют либералы”⁸⁰.

Поддерживая критику “лжелибералов” и отрицание буржуазного “правового порядка” в смысле конституционного строя в органах консервативной печати, “Неделя” изъявляла готовность “присоединиться в этом случае к консерваторам”⁸¹. “Мы не можем не признать, – объясняли в “Неделе”, – что консерваторы оказали немалую услугу русскому обществу уже тем, что способствовали разоблачению истинной сущности либерализма”. В противном случае, “либералы ещё долго слыли бы за истинных друзей народа, ибо их антинародные вождедения прикрыты такими прекрасными вещами, как свобода печати, вероисповедания и т. п.”. В своей критике парламентаризма “Неделя” охотно привлекала авторитет Ф. М. Достоевского: “Достоевский определил подобный правовой порядок словом *господчина*, и мы уверены, что русские крестьяне обзовут его точно так же”⁸². Исследователи не случайно от-

мечают сильное влияние идей почвенничества на народничество “Недели”; самого Достоевского при жизни даже приглашали к сотрудничеству в “Неделе”, а после смерти писателя его почвенническое наследие получало неизменно высокую оценку на страницах этого народнического органа⁸³. Самый антикапиталистический роман Достоевского “Подросток”, разоблачающий “ротшильдовскую” идею всеислия денег и культ “миллиона”, был напечатан в 1875 году в “Отечественных записках”, главном легальном органе народничества, в котором подвизались и Н. К. Михайловский, и Г. И. Успенский, и В. П. Воронцов.

Такое отношение к консерватору Достоевскому, другу обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева и издателя “Гражданина” князя В. П. Мещерского, не следует расценивать как парадокс или свидетельство измены идеологов “Недели” и “Отечественных записок” народничеству. Во-первых, как для почвенничества братьев Достоевских, Н. Н. Стрехова и А. А. Григорьева, так и для народничества общим и важнейшим идейным предшественником служило славянофильство с его ярко выраженным антикапиталистическим комплексом идей. Во-вторых, по справедливому замечанию А. С. Долинина, “когда мы сравниваем взгляды Герцена со взглядами Достоевского той поры, которую разумеют под “почвенничеством” (годы 60–63), ещё раз полностью отразившимися в его Пушкинской речи, то сходство получается поразительное”⁸⁴. Концептуально почвенничество Достоевского – его вера в особую миссию и самобытную идею русского народа, основанием которых служит крестьянское общинное братство (= христианская соборность) и близость мужика к родной земле-матушке, его упование на торжество этой русской идеи над небратским обособлением и отчуждением личности, терзающим буржуазную Европу, – практически тождественно крестьянскому “русскому социализму”.

Поэтому естественно, что народники, последователи герценовского “русского социализма”, проявляли самый живой интерес и к творчеству Достоевского, и к проблеме синтеза консервативных и социалистических идей. “Казалось бы, слова *социалист* и *консерватор* несовместимы”, однако, как утверждали публицисты “Недели”, существуют так называемые “консерваторы-социалисты”, и “этого рода консерваторы признают весьма верной ту мрачную картину современного положения, которую рисует Карл Маркс в своём “Капитале”. Но спасение они видят в возвращении к учреждениям, которые при старом режиме гарантировали людям покой и порядок. По их мнению, зараза, разъедающая общество, кроется в свободе обмена, свободе конкуренции и лихвенных процентов, а потому они и стремятся к восстановлению цехов и т. п. учреждений. Социалисты-консерваторы утверждают, что монархические учреждения должны впитать в себя социалистические идеи и, таким образом, превратится в “социалистические монархии”...”⁸⁵.

Речь в данном случае шла о некоторых западноевропейских консерваторах, но суть дела ничуть бы не изменилась, если под рубрику “консерваторов-социалистов” были подставлены имена славянофилов, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, В. П. Мещерского... Их взгляды на капиталистическую трансформацию традиционного общества по своему обличительному пафосу очень живо напоминали “ту мрачную картину современного положения, которую рисует Карл Маркс в своём “Капитале””⁸⁶. Ещё более схожей была критика капитализма у русских консерваторов и народников, готовых, хотя бы теоретически, сойтись друг с другом в положительном идеале “социалистической монархии”.

Учитывая многообразие идейных течений даже в легальном народничестве (не говоря уже о подпольном) и рассматривая его как нечто единое только в смысле выражения этим народничеством крестьянского традиционалистского мировоззрения, мы обнаруживаем немало точек сближения, а подчас и совпадения взглядов народников-социалистов и такого выдающегося идеолога консерватизма, каким был Ф. М. Достоевский. Эти точки следующие: 1) оценка капитализма (в смысле экономической формации) как вредоносного, античеловеческого явления, не имеющего алиби; 2) неприятие принципа частной собственности, особенно в поземельных отношениях; 3) отстаивание аграрного уклада, природосообразного и гармоничного, против урбанизации и индустриального образа жизни как противоестественного и пагубного; 4) отвержение парламентаризма как буржуазного института, чуждого интересам

народа; 5) предпочтение традиционных, патриархальных отношений формально-юридическим отношениям эпохи модерна, противопоставление общинного коллективизма и солидарности своевольной свободе атомизированного индивида, ввергающей буржуазное общество в социальный ад; 6) взгляд на “еврейский вопрос” как результат капиталистической эксплуатации.

Все эти совпадающие элементы двух идеологий, отнюдь не второстепенные и не случайные, но структурно взаимосвязанные и составляющие единую картину мира, позволяющую говорить об их общей антикапиталистической основе, об антикапиталистической ментальности, роднящей народнический общинный социализм и одно из течений русского консерватизма, ярким выразителем которого выступал Ф. М. Достоевский.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских “Время” 1861–1863. М., 1972. С. 271–273.
- ² См.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских “Эпоха” 1864–1865. М., 1975. С. 71; Кирпотин В. Я. Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966. С. 179–180.
- ³ Здесь и далее ссылки на Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в 30-ти томах (Л.: Наука, 1972–1990). Первая цифра – номер тома, вторая – номер страницы.
- ⁴ Известно четыре письма Ф. М. Достоевского к И. С. Аксакову (1880) и семь писем И. С. Аксакова к Достоевскому (1864–1880). Подробнее об их взаимоотношениях см.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 30. Кн. 1. Л., 1988. С. 416–417 (Указатель имён).
- ⁵ И. С. Аксаков – О. Ф. Миллеру, 17 августа 1880 // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 86. М., 1973. С. 515.
- ⁶ И. С. Аксаков – О. Ф. Миллеру, ночь на 29 января 1881 // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 86.
- ⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 27. Л., 1984. С. 295 (Примечания); Твардовская В. А. Достоевский в общественной жизни России (1861–1881). М., 1990. С. 274.
- ⁸ Леонтьев К. Н. Достоевский о русском дворянстве // Он же. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 693.
- ⁹ Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 204.
- ¹⁰ Лазари Анджей де. В кругу Фёдора Достоевского. Почвенничество. М., 2004. С. 11.
- ¹¹ Гуральник У. А. Достоевский, славянофилы и “почвенничество” // Достоевский – художник и мыслитель. М., 1972. С. 450.
- ¹² Кирпотин В. Я. Достоевский и Белинский. М., 1960. С. 109.
- ¹³ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1964. С. 185.
- ¹⁴ Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. С. 112.
- ¹⁵ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 185.
- ¹⁶ См., напр.: Долинин А. С. Золотой век // Он же. Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе. Л., 1989. С. 270–288; Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. М.–Л., 1964. С. 34–43; Пруцков Н. И. Утопия или антиутопия? // Достоевский и его время. С. 88–107.
- ¹⁷ См.: Пруцков Н. И. Социально-этическая утопия Достоевского // Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969. С. 359–360.
- ¹⁸ См.: Сакулин П. Русская литература и социализм. Ч. 1. Ранний русский социализм. М., 1924. С. 376.
- ¹⁹ Критика капитализма в сочинениях Фурье удостоилась самой высокой оценки К. Маркса и Ф. Энгельса; см.: Иоаннисян А. Р. Шарль Фурье. М., 1958. С. 28.
- ²⁰ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 1. М.–Л., 1951. С. 250–252.
- ²¹ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 2. М.–Л., 1951. С. 203.
- ²² Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 1. С. 360.
- ²³ Там же. С. 292–295.
- ²⁴ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 2. С. 205.
- ²⁵ Цит. по: Фурье и фурьеризм // Сен-Симон, Фурье и их школы. М.–Л., 1926. С. 330, 350–351.
- ²⁶ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 3. М.–Л., 1954. С. 499.

- ²⁷ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 2. С. 33–40.
- ²⁸ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 4. М.–Л., 1954. С. 107, 116, 392.
- ²⁹ См.: Василькова Ю. В. Фурье. М., 1978. С. 231–233.
- ³⁰ См.: Гус М. С. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. М., 1962. С. 85–86.
- ³¹ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 4. С. 129, 411.
- ³² Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 2. С. 35.
- ³³ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 4. С. 110, 403
- ³⁴ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 1. С. 94–104.
- ³⁵ Цит. по: Василькова Ю. В. Указ. соч. С. 221.
- ³⁶ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1964. С. 420.
- ³⁷ <Страхов Н. Н.>. Заметки летописца // Эпоха. 1865. № 2. С. 1–6.
- ³⁸ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары // Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л., 1984. С. 85.
- ³⁹ См.: Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939. С. 61–67.
- ⁴⁰ Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради. 1860–1881. Литературное наследство. Т. 83. М., 1971. С. 174, 246–250.
- ⁴¹ Там же. С. 273.
- ⁴² См.: Твардовская В. А. Достоевский в общественной жизни России (1861–1881). С. 218–219.
- ⁴³ Ермилов В. В. Ф. М. Достоевский. М., 1956. С. 19, 113, 225–226.
- ⁴⁴ Долинин А. С. Последние романы Достоевского. Как создавались “Подросток” и “Братья Карамазовы”. М., 1963. С. 247–260.
- ⁴⁵ Твардовская В. А. Достоевский в общественной жизни России (1861–1881). С. 219. Эту точку зрения развивает современный итальянский исследователь творчества Достоевского Г. Карпи, который считает, что “жид” у Достоевского является “эмблемой чужеродного захватнического капитализма с вампирскими и садистскими характеристиками” (см.: Карпи Гуидо. Достоевский-экономист. Очерки по социологии литературы. М., 2012. С. 92, 99–100).
- ⁴⁶ Аксаков И. С. Еврейский вопрос. М., 2001. С. 87.
- ⁴⁷ См.: Ю. Ф. Самарин – Э. Ф. Раден, 21 февраля (4 марта) 1876. (на фр. яз.) // Переписка Ю. Ф. Самарина с баронессой Э. Ф. Раден. 1861–1876. М., 1893. С. 238–239.
- ⁴⁸ См., напр.: Фридендер Г. М. Достоевский и мировая литература. Л., 1985. С. 40–42; Твардовская В. А. Достоевский в общественной жизни России (1861–1881). С. 227–229; Твардовская В. А. “Двух голосов переключки”: Достоевский и Кропоткин в поисках общественного идеала // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 274.
- ⁴⁹ Кирпотин В. Я. Достоевский и Белинский. С. 211.
- ⁵⁰ Пруцков Н. И. Достоевский и христианский социализм // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 1. Л., 1974. С. 70.
- ⁵¹ Долинин А. С. Достоевский и Герцен (К изучению общественно-политических воззрений Достоевского) // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Пг., 1922. С. 308–317.
- ⁵² Влияние Герцена на “Зимние заметки о летних впечатлениях” Достоевского отмечал ещё Н. Н. Страхов: Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. С. 240.
- ⁵³ Герцен А. И. Письма к путешественнику (1865) // Он же. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1986. С. 458.
- ⁵⁴ Герцен А. И. Русские немцы и немецкие русские (1859) // Он же. Сочинения. Т. 7. М., 1958. С. 300.
- ⁵⁵ См.: Малинин В. А. Философия революционного народничества. М., 1972. С. 246; Пирумова Н. М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М., 1989. С. 188–190.
- ⁵⁶ Но ещё до Герцена народнический идеал “права на землю” обосновывали славянофилы; см.: Поликарпова Е. В. Идеология народничества в России. М., 2001. С. 52–53.
- ⁵⁷ Червинский П. П. Наша национальная особенность // Неделя. 1875. № 31. С. 109 (цит. по: Зверев В. В. Русское народничество. М., 2009. С. 179).
- ⁵⁸ Успенский Г. И. Власть земли (1882) // Собрание сочинений. Т. 5. М., 1956. С. 116.
- ⁵⁹ Меньшиков М. О. Думы о счастье. 2-е изд. СПб., 1901. С. 99–100, 104. Первые цикл статей “Думы о счастье” опубликованы в “Книжках Недели” в 1894 году. (№№ 3–7).
- ⁶⁰ Там же. С. 101–102.

- ⁶¹ Воронцов В. П. Судьбы капитализма в России (1882) // Он же. Капитализм и экономика. Избранные сочинения. М., 2008. С. 182.
- ⁶² Михайловский Н. К. Что такое счастье? (1872) // Он же. Сочинения. Т. 3. СПб., 1897. С. 200.
- ⁶³ Михайловский Н. К. Из литературных и журнальных заметок 1874 года // Он же. Сочинения. Т. 2. СПб., 1896. С. 597.
- ⁶⁴ Михайловский Н. К. Письма о правде и неправде (1877) // Он же. Сочинения. Т. 4. СПб., 1897. С. 452.
- ⁶⁵ Каблиц И. И. (И. Юзов). Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 186–187.
- ⁶⁶ Михайловский Н. К. Политическая экономия и общественная наука (1879) // Он же. Сочинения. Т. 6. СПб., 1897. С. 301–302.
- ⁶⁷ Михайловский Н. К. Литературные заметки 1880 года. // Он же. Сочинения. Т. 4. СПб., 1897. С. 952.
- ⁶⁸ Кирпотин В. Я. Достоевский и Белинский. С. 194–195, 209–211.
- ⁶⁹ Герцен А. И. Письма из Франции и Италии (1847–1852) // Он же. Сочинения. Т. 3. М., 1956. С. 201.
- ⁷⁰ Чернышевский Н. Г. Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X (1858) // Он же. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1986. С. 481.
- ⁷¹ См.: Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 83–85.
- ⁷² Михайловский Н. К. Из литературных и журнальных заметок 1872 года // Он же. Сочинения. Т. 1. СПб., 1896. С. 766.
- ⁷³ Михайловский Н. К. Из литературных и журнальных заметок 1873 года // Он же. Сочинения. Т. 1. СПб., 1896. С. 869.
- ⁷⁴ Чарушин Н. А. О далёком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973. С. 131. В этой “конференции” принимали участие Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, Д. А. Клеменц и другие видные деятели народнического движения.
- ⁷⁵ См.: Твардовская В. А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1969. С. 130.
- ⁷⁶ См.: Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М., 1979. С. 244–249.
- ⁷⁷ См.: Письмо Исполнительного комитета “Народной воли” заграничным товарищам (конец 1881 года) // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. М.–Л., 1965. С. 320–321. Автором этого документа был Л. А. Тихомиров.
- ⁷⁸ Каблиц И. И. (И. Юзов). Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 173.
- ⁷⁹ Канаева Т. М. Газета “Неделя” и цензура (1876–1893) // “Будущего нет и не может быть без наук...” (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). М., 2005. С. 511.
- ⁸⁰ Либерализм и “народная политика” // Неделя. 1882. 7 февраля. № 6. С. 181. Ср.: Народная политика // Неделя. 1882. 24 января. № 4. С. 113–114; Роль интеллигенции // Неделя. 1884. 18 февраля. № 8. С. 253.
- ⁸¹ Знамя либерализма // Неделя. 1882. 10 января. № 2. С. 44.
- ⁸² Либерализм и “народная политика” // Неделя. 1882. 7 февраля. № 6. С. 179–181.
- ⁸³ См.: Харламов В. И. Публицисты “Недели” и формирование либерально-народнической идеологии в 70–80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 166; Он же. Из истории развития либерально-народнической мысли в пореформенной России // “Будущего нет и не может быть без наук...” (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). С. 680–681.
- ⁸⁴ Долинин А. С. Достоевский и Герцен (К изучению общественно-политических воззрений Достоевского). С. 303.
- ⁸⁵ Лавеле де, Эмиль. “Современный социализм”, СПб., 1882 (рецензия) // Неделя. 1882. 21 марта. № 12. С. 389.
- ⁸⁶ Сопоставляя антикапиталистические произведения Достоевского, особенно “Зимние заметки о летних впечатлениях”, с марксистской литературой, в частности, с книгой Ф. Энгельса “Положение рабочего класса в Англии” (1946), современные исследователи обнаруживают немало общих моментов; см.: Ермаков В. В. Ф. М. Достоевский. С. 118–120; Твардовская В. А. Достоевский в общественной жизни России (1861–1881). С. 19–20.

(Продолжение следует)